

Он называет себя гением, но подчеркивает, что это бравада чистой воды

ВАЛЮТНЫЕ ПАРУСА НИКАСА САФРОНОВА

О НИКАСЕ САФРОНОВЕ много говорят. Говорят и плохое, и хорошее как о личной жизни, так и о публичной. Он и сам льет масла в огонь: не стесняется своего богатства и известности — у него есть и замок в Шотландии, и вилла на берегу океана... Он может позволить себе менять женщин и взгляды, творить добро и не забывать о себе...

Он живет в Брюсовом переулке — в самом центре Москвы. Уже дом произвел неизгладимое впечатление — старой постройки, он видел легендарных личностей своего времени, в нем жил сам Марис Лиена. Никаса Сафронов приехал на серебристом Porsche Cayenne с правительственной табличкой — что-то типа жетона тех-осмотра, — он разрешает ему парковаться хоть где. Для переполненной машинами столицы это, несомненно, признак высшего сословия.

Несколько приветственных слов, и вот уже нас везет лифт. Его хоромы — мастерская и квартира — занимают три верхних этажа. И еще крышу — он делает из нее зимний сад и летнюю веранду. Вид — чудо: Кремль, храм Христа Спасителя... Как бы мимоходом Никаса рассказывает о своих соседях — членах правительства, Госдумы и высшей актерской касты.

В мастерской стены увешаны его работами — портреты великих мира сего, от Сергея Миронова и Владимира Путина до Шарлиз Терон и Мадонны, пейзажи, натюрморты и зарисовки с натуры — в том числе обнаженной. Несколько автопортретов, парадный, ироничный, а один — прямо философский: Никаса с протянутой вперед рукой, выражающей протест, за ним — черно-белый Сальвадор Дали.

— Это мой протест постоянному сравнению моего творчества с творчеством Сальвадора Дали, — поймав мой взгляд, начал он объяснять. — Я говорю, что это не так. Поэтому Сальвадор Дали черно-белый: это уже прошлое.

Он знает, что очень красив — часто артистичным жестом откидывал длинный волос, то и дело падающий на лицо. Одет элегантно, но в то же время по-современному и по-художественному небрежно. На левой руке — часы: с браслетом, но без циферблата, будто его выбили, а теперь остался лишь ободок — тоже яркая деталь, как нам показалось.

— Никаса, вы окончили морское училище, значит, должны обожать море. Но к маринистам вас почему-то не приписывают... Да и здесь я не вижу морских пейзажей.

— Почему же! — он порывисто встает и ведет нас в другую комнату. — Вот море, вот, там еще... Моря у меня очень много...

— Да, и вместо парусов на корабле — долларские купюры.

— (Смеется). Да, так я вижу нашу жизнь сегодня.

— Деньги решают все?

— Не все, но многое, думаю, с этим вы спорить не станете. Будучи богатым человеком, я уже могу говорить о том, что деньги не значат ничего. Но спросите любого бедняка, что для него дорого, и он ответит: деньги.

— Согласна. Каково ваше отношение к деньгам?

— Это помощники по жизни, безусловно. Но я всегда делился. Я чувствую финансовую ответственность перед своими детьми, обеспечиваю женщин, с которыми близок... Не содержу их — это оскорбительно и для меня, и для них, но помогаю материально до тех пор, пока они сами не состоятся в жизни. К примеру, сейчас я встречаюсь с молодой девушкой, она учится в юридическом институте, готовится стать судьей. А пока идет к этому, я, конечно же, отвечаю за нее: у нее была однокомнатная квартира — я купил двухкомнатную, у нее была машина, я купил получше...

— Теперь я понимаю, почему вас многие не любят, — слишком откровенно вы говорите о своем благосостоянии.

— (Смеется). Меня не только за это не любят. Но я отношусь к любви легко — уже могу себе это позволить. Это их нервы и бессонные ночи.

— Весомую часть творчества вы посвятили иконописи. У мусульман есть закон — не рисовать Бога, поскольку они считают, что человек недостойн писать лик Всевышнего. Вы так не считаете?

— Думаю, нет. Я художник, поэтому имею право писать жизнь так, как вижу ее, — в том числе Бога. Другое дело, отношусь к этому я очень трепетно.

— В вашей галерее огромное количество портретов знаменитостей — в том числе великих. Скажите честно, вы рисовали их с натуры? Или с фотографии, как это делают многие?

— Только с натуры — это мой принцип. Мадонна, Софи Лорен — я ездил к ним на родину, встречался на выставках и концертах, договаривался... По памяти я рисую только тех, кого уже нет в живых.

— Вы не обидитесь, если я назову вас частично придворным художником?

— Ну, наверное, так оно и есть — частично.

— К ним всегда было двойное отношение общества: с одной стороны, они вхожи в кабинеты, с другой — вынуждены приукрашивать героев. Насколько сложно рисовать сильных мира? Идеализируете ли вы своих героев — так, как это делали художники при дворе королей?

— Я не идеализирую, но стараюсь высветить лучшие их стороны. Конечно, я не буду рисовать бородавку, прыщи... Я не фотограф, хотя, спросите своего фотохудожника (указывает рукой на Евгения Рухмалева), и он ответит, что тоже старается парадные портреты сделать в лучшем виде: ракурс, свет, фотошоп, в конце концов... Но образ человека — его взгляд, мудрость на лице — я стараюсь подчеркнуть, ведь художник рисует душу. А насчет отношения общества... Я вхожу в кабинеты потому, что известный художник и человек, но не наоборот. Этим все сказано.

— Можно нескромный вопрос: сколько стоят картины Никаса Сафронова? У вас на сайте предложены к продаже многие, но не указана цена ни одной.

— Это тонкий вопрос — смотря что я продаю, кому... Скажем так: мои картины оплачиваются достаточно щедро, чтобы я мог позволить себе красивую жизнь — с особняками и замками, и в то же время, чтобы я мог позволить себе заниматься благотворительностью, содержать семьи моих братьев и помогать бедным.

— Вы много помогаете, я это знаю. Люди платят благодарностью?

— Я стараюсь не ждать благодарности — только так помощь действительно может называться помощью. Я могу помочь детской художественной школе — одну из них я создал сам, подаю нищим... Вот я встретил как-то у церкви одного человека. Он наговорил мне кучу комплиментов — что я красив, напоминаю ему Христа... Потом попросил денег, и я дал.

— Вы так падки на лесть?

— (Смеется). Как и все творческие люди — это шутка. Я не падаю на лесть, но у меня внутреннее желание помочь тем, кто просит меня об этом, не оскорбляя моего достоинства.

— Это как?

— Враньем. Ложь очень оскорбляет — даже если она во имя спасения. Потом я снова встретил того человека — он начал говорить, что у него очень больная жена, голодают дети — я снова дал ему денег. Но когда мы встретились в четвертый раз и он начал рассказывать новую историю,

я понял, что он обманывает меня. А одной женщине я помогаю даже теперь, когда понял, что она лгунья. Но она большой человек, совсем плохо выглядит, подбирается по помойкам — я просто не могу не поддать ей, когда проезжаю мимо. Я многим помогаю — это зависит от ситуации, наверное.

— Вы общаетесь с молодыми художниками. Есть ли среди них те, кому действительно нужно помочь, чтобы он состоялся, чтобы не пропал для искусства?

— Талантливых людей много. Но молодые художники безбашенные, без царя в голове. Они приезжают в Москву с явным намерением получить все и сразу. Это меня очень огорчает — я даже преподавать перестал. Они даже не понимают, что тем самым становятся потерянными для искусства. Они странно себя ведут — могут вдруг, в самый ответственный момент, послать все к черту и уйти в запой... Хотя, их тоже можно понять — государство очень хочет повысить уровень культуры россиян, но никак не заботится о том, чтобы носители этой культуры чувствовали себя хотя бы социально защищенными. Женщины вынуждены работать проститутками, уборщицами, терять свое лицо.

— Смелое сравнение: по-вашему, проститутки и уборщицы одинаково теряют лицо?

— Да, потому что и те и другие занимаются не тем, к чему готовили себя. Это унижительная позиция, и она превращает человека не меньше, чем огромный деньги, вдруг свалившиеся на глупого человека. Это нечестно — заниматься не тем, для чего ты был рожден. Я знаю людей колоссально богатых — я работаю для них, пишу портреты их, их жен, детей... Для них 30–40 миллионов — это не проблема, они хорошие люди, но они погрязли во взятках, коррупции. А давать взятки — это такой же грех, как и брать, это все равно грязь. Я знаю людей, очень известных и уважаемых сегодня, и они тоже начинали свою карьеру с обмана — забирали чьи-то идеи, к примеру. Меня это минуло, к счастью. Наверное, потому что я планомерно строил свою жизнь и, не размениваясь, шел к цели. Теперь мои картины на Западе стоят 30, 40, 50 тысяч долларов — многие говорят, что это дорого, но, подумав, покупают.

— В 80 годы вас запрещали в России, на Западе вы выставались и продавались успешно, но стремились в Москву. Почему вам был так важен успех на родине?

— (Вздыхает). Были тяжелые времена, но я не жалею ни о чем. Я живу в этой стране, не собираюсь никуда

уезжать отсюда, и, разумеется, мне очень важно было состояться здесь. Я помню все свои злосчастья, я им благодарен — они отшлифовали меня. Но считаю, что если человек смог состояться на родине, он может состояться где угодно. «Нет пророка в своем отечестве» — это поговорка для слабых духом людей.

— Вы производите впечатление человека состоявшегося и очень адекватного — можете говорить о себе и в превосходной степени, и с иронией. А есть ли в вашей жизни люди, чье мнение о вас вам дорого, в том числе отрицательное?

— (Думает). Смотри что человек хочет сказать. Были люди, которые говорили плохо не по злобе, а чтобы помочь — это дорого. Но таких немного. В основном, злословили из зависти, ведь в Россию я пришел уже известным богатым человеком... Такие люди мне не дороги, и, видит Бог, это не моя вина. Мне очень жаль, что я не дал своим родителям того, что мог бы дать им сейчас... Я бы хотел, чтобы мама и папа насладились моей славой, познали безбедную старость... Но не дождался.

— Вы чувствуете вину?

— В какой-то степени. Поэтому сейчас забочусь о тех родственниках, которые у меня еще есть.

— Вы часто повторяете: «Я гений». Верите в это?

— (Смеется). Глядя на других моих современников, могу сказать, что я лучший. Гений — слишком амбициозное слово, я им бравирую. Но это не самоирония, это бравада чистой воды — вот чтобы вам понравиться.

— Вы говорите, что главное для вас — быть ближе к Богу. В какой момент жизни вы были наиболее близки к нему: рисуя самого Бога, обнаженную женщину или помогая кому-то?

— Да знаете, во все перечисленные вами моменты. Это настрой художника и внутреннее ощущение, что все будет хорошо — что Бог не даст тебе пропасть, а ты не подведешь надежды Бога относительно тебя. Ведь Бог всем дает шанс, только им надо воспользоваться в молодости. Недаром же говорят: Агнец Божий — это понятие юношеское.

— То есть, по-вашему, в зрелом возрасте надеяться на что-то бессмысленно?

— Ну, если вам уже за 30 и вы привыкли работать на своем заводе и получать зарплату, вам не стоит менять свою жизнь и становиться бизнесменом.

РИТА ДАВЛЕТШИНА.
Фото ЕВГЕНИЯ РУХМАЛЕВА.
Москва — Магнитогорск.